Алек не мог понять. Шесть чистых месяцев скуки и бездействия. Со всем этим временем он мог только думать. То, что он понял о Мэйнфрейме, казалось, было опрокинуто решением отправить его сюда в наказание.

Сначала он думал, что очнулся в этом теле из-за того, что Мэйнфрейм испортился, в результате чего он родился в теле Главного Персонажа, вместо того, чтобы просто быть привязанной Системой для "помощи" Главному Персонажу, но выглядело так, будто все было совсем не так!

Было что-то в словах Главного героя, что звучало немного не так. Интеграция с устройством, которое позволит Системе идентифицировать Главного героя? Если это не намекало на то, что он должен был найти Главного героя, то он не знал, что это такое.

Опять же, это должно было быть наказанием, что означало, что это никогда не должно было быть легко. Если он думал об этом так, то это было едва ли в пределах допустимых границ.

Алек абсентеллектуально отбивался от маминых уколов, затерявшись в мыслях.

Пока он долго думал, его разум медленно дрейфовал, сонливость работала против его тела. Проклятье. Алек 0, Сон 914... он бы это запомнил.

Он очнулся, но держал закрытые глаза. Он чувствовал, что его мать все еще там, и он не хотел бы больше прижиматься к своему невольному телу.

Как он собирался найти Главного героя? Ему бы пришлось объездить весь мир? Создать свою собственную информационную сеть? По сути, он бродил здесь в темноте.

Алек бороздил брови. Видя его несчастным во сне, его мать наконец-то перестала тыкать его признанно пухлыми щеками.

Когда она оставила его в покое, он вдыхал и выдыхал. Вдох и выдох. Все проблемы были относительны перед лицом времени.

Когда его разум погрузился в состояние, похожее на дзен, он осознал ощущение, которое слегка затянулось в воздухе. Это было то же самое, что он мог чувствовать от каждого живого существа на планете. Вода, трава, люди, животные. Она была у всех.

У некоторых было больше, у некоторых - меньше.

Когда он дышал, Алек вытягивал малейшее количество, испытывая воду. Прохладное, освежающее чувство проникало в его тело, бросаясь к чему-то...

Когда она просочилась в его тело, он внезапно почувствовал энергию. Он потерял это чувство, его глаза открылись, поразив его мать.

Она задохнулась, рука зажала рот. Она почувствовала небольшой всплеск в воздухе, когда он открыл глаза. "Алек... у тебя получилось! Ты получил способность использовать магию!"

А. Ему следовало подождать, пока она оставит его в покое на ночь, прежде чем что-то делать. Однако, он предполагал, что это не имеет значения в долгосрочной перспективе. Он просто не был подвержен ничему в мире и не имел возможности оценить свой прогресс.

Абсолютно в восторге, Аннализа взяла его из кроватки, кружила его вокруг. Ее очевидный восторг показал, что ее глаза блестели, мокрые с блеском слез. Тем не менее, скрытые глубоко в ее глазах было беспокойство, что не было бы видно никому другому, но Алек был привык читать эту женщину разнообразие выражений.

Он не знал, потому ли это, что он был только ребенком, или именно потому, что он был *ее* ребенком, который делал ее менее защищенной, что он видел весь спектр микровыражений, которые играли на ее лице.

"Я... все это случилось слишком быстро! Ради всего святого, тебе всего шесть месяцев", - пробормотала она, хлопая ему в нос. Излишне говорить, что она вообще не была готова. Она думала, что будет в безопасности, по крайней мере, год или два.

Аннализа нерешительно посмотрела на сына. "Ну, я не должен был этого делать, но, полагаю, будет не больно, если никто об этом не узнает".

При этом она похлопала сына по голове, быстро выходя из комнаты.

Алек уставился на нее с запутанным выражением. Что не должен был делать? Это был какой-то обряд посвящения или что-то вроде того?

Алек внутренне пожимал плечами, пока вдыхал в себя больше магии. Насколько он мог судить, периметры его тела увеличивались до малейшей степени, как больше магии, собранной в его организме.

Он просачивался так медленно, как небольшая капля воды, капающая на камень, пытаясь размыть его с течением времени. Не было практически никаких видимых эффектов. Пока что это было.

Алек не сдерживался.

Вскоре в комнату вошла его мать очень тихо, что было довольно нехарактерно для нежной

женщины. Несмотря на то, что она ни в коем случае не была громкой, она тоже не была особенно молчаливой.

На этот раз, однако, она казалась нервной и настороженной.

О чем, он не знал.

Алек не мог не почувствовать, что его осторожность тоже возникает. Где была угроза? Он был беспомощен в этом теле, не мог даже бежать или много двигаться.

В этот момент он не мог не скучать по своему старому телу и чувствовал желание расти быстрее. Быстрее. Сильнее.

Аннализа закрыла за собой дверь без звука, дважды быстро нажав на дверную ручку. Это вызвало срабатывание шумопоглощающего барьера в комнате, что было оборудовано в каждой комнате.

Анналис не знала, кто из предков сделал такой дизайн заметным, но она была благодарна за это.

Убедившись, что в комнате больше никого нет, она запустила кристалл размером с трещину, который ей удалось за короткий период времени закупить. Сердце колотилось в груди.

Подойдя ближе, Клэри прошептала сыну, лицо серьезное. "Алек, я могу только надеяться... нет". Это не имеет значения. Сначала посмотрим, каковы результаты".

Алек смотрел на прозрачный кристалл в руках матери. Он сверкал под бледным светом комнаты, но, как ни странно, не было отражения света. По всей видимости, он выглядел как обычный кристалл, и не должен был быть чем-то особенным, но это не оправдывало бы подобной реакции его матери.

Она подошла к нему и ударила четвертым пальцем, позволив ему капать на кристалл. То, что она увидела, подтвердило реальность ее страхов.

Руки на кристалле стали белыми, что свидетельствует о том, что она слишком сильно сжимала его.

Она никогда не говорила больше ни слова, выходя из комнаты после деактивации барьера, неся с собой кристалл, который она Manged, чтобы купить с ней.

Алек остался в тишине комнаты, когда голос мейнфрейма помог заполнить его.

[Алекрис Эйден Нил]

[Общество: Грех]

[Мэгитип: Пробуждение]

Для него эти термины ничего не значили, но ничего хорошего не могло быть, если бы посмотреть на то, как его мать реагировала так очевидно.

Алек внутри клялся, чувствуя, что так или иначе, это тоже было частью наказания Мэйнфрейма. После того, как он поклялся в течение почти десяти минут, он почувствовал, что этого недостаточно, чтобы выразить то неудовольствие, которое он испытывал внутри себя.

"-
уу
уу
ууу! Фу! Дам!" Чем больше он клялся, тем комфортнее чувствовал себя Алек. Казалось, что все его неуклонно нарастающее напряжение стирается за один миг. "Блядь!"

Потом он услышал удушающий звук. Его мать стояла перед ним с обеими руками во рту, ее глаза были широко раскинуты от шока.

Вот дерьмо.

"Алек! Нет! Плохое слово! - сказала она, ее глаза горели с поразительной интенсивностью.

Алек не сжимался. Вовсе нет. Почему он должен бояться хрупкой, нежной женщины?

"Мм."

Хорошо. Лучшее, что теперь можно сделать, это притвориться невежеством. Невежество. Он был младенцем. Алек загипнотизировал себя.

"Перекинься словечком с теми горничными", - темно сказала его мать, под ее дыханием.

Алек притворился, что не слышит, закрыв глаза. Он очень старался хоть раз заснуть. Пока он спал. Затем он узнал об этих так называемых "Социетипсах" и "Магитипах".

http://tl.rulate.ru/book/35411/776437